

МОТИВАЦИЯ И ПРАКТИЧЕСКИЙ ИНТЕЛЛЕКТ В ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ РЕГУЛЯЦИИ РАЦИОНАЛЬНОГО ВЫБОРА

Чумакова М.А.

Аннотация: В работе ставится цель выявления интеллектуальных стратегий выбора из альтернатив в закрытых задачах и специфики интеллектуально-личностной регуляции этого выбора. В результате проведенного эмпирического исследования были идентифицированы две стратегии выбора: ориентация на разрешение ситуации неопределенности через поиск информации или незамедлительное принятие решения и стремление к сохранению ситуации неопределенности. Также в исследовании было показано, что практический интеллект является компонентом интеллектуальной регуляции выбора только при реализации первой стратегии.

Ключевые слова: принятие решений, интеллектуально-личностная регуляция, стратегия, мотивация, практический интеллект

Уровни личностной регуляции принятия решения (ПР) не заданы прямо в характеристиках выбираемой альтернативы. Ведущая роль тех или иных уровней регуляции на микроэтапах стратегии выбора зависит от самого субъекта. Опираясь на представления о функционально-уровневой регуляции ПР [1], мы можем предполагать особенности опосредствования влияния личностно-мотивационных свойств на выбор. Возникающие в процессе решения динамические регулятивные системы отражают взаимодействие когнитивных и личностно-мотивационных компонентов регуляции процессов выбора. Принятие решений предполагает реализацию субъектом некоторых когнитивно-личностных усилий, посредством которых происходит функциональное изменение уровня неопределенности ситуации, ее разрешение и преобразование.

В рамках подхода Т.В. Корниловой одним из основных компонентов личностной регуляции процессов принятия решений выступает глубинная, неспецифическая по отношению к интеллектуальной деятельности мотивация. В исследовании Т.В. Корниловой, И.И. Каменева и О.В. Степаносовой [2] были верифицированы гипотезы о влиянии специфической познавательной

мотивации (называемой внутренней мотивацией) и неспецифической мотивации на процессы выдвижения гипотез и прогнозирование при принятии решений.

Проблема идентификации интеллектуальных компонентов регуляции процессов выбора решается по двум направлениям: исследуется роль интеллектуальных способностей в опосредствовании выбора [например, 3] и идентифицируются мыслительные стратегии, реализуемых субъектом в процессе ПР.

Наиболее разработанным является тематика роли интеллектуальных способностей в ПР в русле исследования практического интеллекта. Р. Стернберг [4] определяет практический интеллект как способность, которая служит для нахождения наиболее оптимального соответствия между индивидом и требованиями окружающей среды. Исследование стратегий выбора в рамках психологии мышления связывается с функциональной регуляцией направленности мыслительной деятельности через соподчинение целей [5]. В работе Т.В. Корниловой была предложена единая классификация интеллектуальных стратегий для ситуаций неопределенности вероятностного и детерминистского типа [5] и выявлены эмпирические типы стратегий. Методическая организация исследования позволяла подробно выявлять этапы решения и стоящие за ними компоненты интеллектуальных стратегий. При переходе к анализу выборов в закрытых задачах, т.е. задачах, предполагающих выбор из уже имеющихся альтернатив, выявление стратегий выбора становится самостоятельной исследовательской проблемой, т.к. мыслительные процессы, опосредствующие принятие решения, оказываются свернутыми и не поддаются непосредственной идентификации.

Целью нашего исследования стало выявление связей характеристик процесса ПР на материале закрытых задач с

интеллектуальными и мотивационными компонентами регуляции, а также идентификация реализуемых стратегий выбора.

Гипотезы исследования:

1. Интеллектуально-личностная регуляция процессов принятия решения на материале закрытых задач в качестве компонента интеллектуальной регуляции включает практические способности субъекта.

2. Глубинная мотивация выступает в качестве личностного компонента интеллектуально-личностной регуляции процессов принятия решения на материале закрытых задач.

3. На основе анализа выборов субъектов и их интеллектуально-личностной регуляции можно идентифицировать интеллектуальные стратегии, опосредствующие принятие решений в закрытых задачах.

Методика: Испытуемые – студенты психологического факультета и факультета биоинформатики и биоинженерии МГУ им. М.В. Ломоносова, а также студенты МГТУ им. Н.Э. Баумана в возрасте от 17 до 34 лет ($M = 19,82$ $\sigma = 1,69$). Выборка составила 175 человек (108 девушек и 67 юношей).

Диагностический материал: Мотивация диагностировалась при помощи опросника А. Эдварса «Список личностных предпочтений».

Экспериментальный материал: Испытуемым предлагались закрытые вербальные задачи, представляющие собой описание некоторой проблемной жизненной ситуации и трех вариантов ее решения. Альтернативы были сконструированы так, чтобы репрезентировать различные способы принятия решений: рациональный выбор – поведение субъекта в ситуации направлено на поиск дополнительной информации, необходимой для принятия решения; рискованный выбор – субъект принимает решение исходя только из описания ситуации; ситуативный выбор – субъект откладывает принятие решения, чтобы посмотреть, как будет

развиваться ситуация в дальнейшем. Всего в исследовании было использовано 11 таких задач.

Испытуемых просили оценить по семибалльной шкале (от 1 до 7) степень приемлемости каждой из альтернатив для решения описанной ситуации и сделать выбор в пользу одной из них. Оценка приемлемости решений рассматривалась нами как показатель проявления практического интеллекта. Индекс выраженности практических способностей строился по аналогии со шкалой *Практичность* методики Практический интеллект, разработанной Е.Л. Григоренко и Р. Стернбергом [6]

Принятие решения в вербальных задачах оценивалось по нескольким показателям: 1) На основании выделенного прототипического профиля оценок альтернатив было выделено по одному наиболее приемлемому решению для каждой из задач. Для каждого испытуемого подсчитывалось количество совпадений выборов со сконструированным ключом. Полученный показатель был назван нами *Балл соответствия*. Его значение могло варьироваться от 0 до 11 в соответствии с количеством вербальных задач. 2) *Рациональный выбор* – количество выбранных рациональных альтернатив. 3) *Рискованный выбор* – количество выбранных рискованных альтернатив. 4) *Ситуативный выбор* – количество выбранных ситуативных альтернатив.

Результаты

1. Взаимосвязь параметров оценки ПР

На основе применения коэффициента корреляции Спирмена (ρ) были получены следующие результаты:

Таблица 1. Взаимосвязь параметров оценки процесса ПР *

	Балл соответствия	Рациональный выбор	Рискованный выбор	Ситуативный выбор
Балл соответствия		,492 (0,0001)	-,300 (0,0001)	-,342 (0,0001)
Рациональный выбор			-,634 (0,0001)	-,700 (0,0001)

* представлены только значимые корреляции

Как видно из табл. 1, существует высокая корреляция между показателями *балл соответствия* и *рациональный выбор*. Т.е. можно утверждать, что именно рациональные решения рассматривались нашими испытуемыми как оптимальные. Количество рациональных выборов в задачах обратно пропорционально как количеству рискованных, так и количеству ситуативных выборов, в то время как рискованные и ситуативные выборы являются несвязанными показателями.

Для дальнейшего анализа результатов мы разделили выборку на две группы по успешности ПР в вербальных задачах. В качестве критерия разбиения было использовано медианное значение параметра *балл соответствия*. Мы предположили, что в выделенных группах может различаться соотношение рискованных и ситуативных выборов как стратегий, альтернативных выбору рационального решения. Для проверки этой гипотезы был использован критерий χ^2 .

Таблица 2. Соотношение рискованных и ситуативных выборов в группах с успешным и неуспешным ПР.

		Преобладают ситуативные решения	Одинаковое количество	Преобладают рискованные решения
Неуспешное решение	n=74	54,00%	19,00%	27,00%
Успешное решение	n=101	56,00%	17,00%	27,00%

Как видно из табл. 2, в выделенных группах, отличающихся по успешности (баллу соответствия), нет различий в предпочтении рискованного или ситуативного решения ($\chi^2 = ,15$ (df = 2) $\alpha = ,928$). На основании полученных результатов можно утверждать, что в обеих выделенных группах испытуемые отдавали предпочтение ситуативному выбору как альтернативе рационального.

Таким образом, можно предположить, что в принятии решений в предложенных закрытых задачах испытуемыми использовалось две

независимые стратегии: поиск информации или отказ от нее (оппозиция рациональный – рискованный выбор) и ориентация на дальнейшее развитие ситуации (ситуативный выбор).

2. Связь параметров оценки ПР с уровнем психометрического и практического интеллекта

Таблица 3. Связь параметров оценки процесса ПР с уровнем практического интеллекта

	Балл соответствия	РАЦИОНАЛЬНЫЙ ВЫБОР	РИСКОВАННЫЙ ВЫБОР	СИТУАТИВНЫЙ ВЫБОР
Практический интеллект	,329	,264	-,353	-,036
	0,000	0,004	0,000	,699

Как видно из табл. 3, выбор ситуативного решения не связан с уровнем практического интеллекта, что подтверждает наше предположение о специфике стратегии ПР, стоящей за предпочтением ситуативных альтернатив.

3. Связь характеристик ПР и глубинной мотивации

На основании применения t-критерия Стьюдента было установлено, что в целом более успешные в ПР решения испытуемые характеризуются более высокими показателями *практического интеллекта и мотивации доминирования* и более низким *чувством вины*.

Таблица 4. Значимые связи показателей ПР и глубинной мотивации

Группа	Показатель ПР	Глубинная мотивация	ρ	α
Успешное решение	Рациональный выбор	Коммуникативная компетентность	,259	,020
	Ситуативный выбор	Коммуникативная компетентность	-,252	,024
Неуспешное решение	Рискованный выбор	Чувство вины	-,327	,022
		Любовь к порядку	-,359	,011
	Ситуативный выбор	Самопознание	,305	,033

В группе испытуемых, успешно справившихся с предложенным заданием, ведущую регулирующую роль играет коммуникативная компетентность, т.е. оказание доверия партнеру в ситуации общения. В группе испытуемых, решение которых оценивается как неуспешное,

наибольшее количество рискованных выборов делали испытуемые с менее выраженной мотивацией чувства вины. Т.е. чем более ответственен субъект, тем меньше проявлялась в решениях тенденция действовать незамедлительно. Как следует из табл. 4, наибольшее количество ситуативных решений делалось испытуемыми с высоким стремлением к самопознанию и низкой любовью к порядку. Т.е. ориентация на развитие ситуации в процессе принятия решения связана прежде всего с потребностью анализировать собственные мотивы и чувства.

Обсуждение результатов

1. Исходя из взаимосвязей параметров оценки ПР, мы предполагаем наличие двух различных стратегий в осуществлении выбора. Первая стратегия связана с поиском дополнительной информации. В рамках этой стратегии возможны либо ориентация на поиск, либо отказ от информации и принятие решения, исходя из имеющихся данных. Мы предполагаем, что показатели рационального и рискованного выбора можно рассматривать как проявления единой стратегии разрешения ситуации неопределенности путем ее ликвидации.

Вторая выделенная нами стратегия связана с откладыванием решения и ориентировкой на дальнейшее развитие ситуации. По результатам проведенного исследования можно предполагать, что в выборе ситуативного решения проявляется толерантность к неопределенности, поскольку ситуация остается неразрешенной и субъекту не известно, каково будет ее дальнейшее развитие. Данное предположение основывается на том, что ситуативный выбор, во-первых, не связан с рискованным, и во-вторых, связан с отсутствием стремления планировать деятельность и ориентацией на свои личностные ресурсы. Мы предполагаем, что готовность отложить

решение и ждать развития ситуации репрезентирует толерантность к последствиям осуществляемого выбора.

Таким образом, изначально выделенный нами показатель успешности решения на самом деле репрезентирует две разные стратегии выбора в ситуации принятия решения в закрытых задачах: готовность разрешать ситуацию неопределенности и готовность оставаться в ситуации неопределенности.

2. Как было показано в таблице 3, уровень практического интеллекта связан с реализацией стратегии решения, в основе которой лежит готовность к разрешению ситуации неопределенности. Испытуемые с более высокими показателями практического интеллекта являются более подготовленными для активного решения предлагаемых им ситуаций. Снижение уровня неопределенности у испытуемых с высоким уровнем практического интеллекта осуществляется путем поиска дополнительной информации, а с низким – путем принятия конкретного решения «здесь и сейчас». Таким образом, уровень практического интеллекта является одним из компонентов регуляции принятия решения при реализации стратегии выбора, нацеленной на разрешение ситуации неопределенности и связанной с поиском дополнительной информации.

3. Испытуемые, реализующие стратегию, разрешающую неопределенность, обладают по сравнению с толерантными к последствиям выбора испытуемыми более высоким практическим интеллектом, стремятся отстаивать свою точку зрения, принимать решения за других, при этом не испытывая вины за свои неправильные действия. Можно предположить, что такое сочетание способностей и мотивационных особенностей позволяет испытуемым данной группы быть в большей степени уверенными в своей способности снизить или ликвидировать неопределенность ситуации.

Снижение неопределенности ситуации в направлении поиска информации или через принятие конкретного решения связано с *коммуникативной компетентностью* испытуемых. Т.к. в задачах описывались различные жизненные ситуации, предполагающие принятие решений во взаимодействии с другими людьми, то высокая коммуникативная компетентность испытуемых ориентировала их на прояснение ситуации, мотивов и причин поведения другого. Низкая коммуникативная компетентность, соответственно, не позволяла реализовать решение в предложенных задачах, и испытуемые, осуществляющие в своих выборах стратегию снижения неопределенности ситуации, отказывались от принятия решения.

В группе испытуемых, реализующих стратегию сохранения ситуации неопределенности, за отказом от разрешения ситуации стоит мотивация *самопознания*. Т.е. при принятии решений в предложенных закрытых задачах выбор сохранения ситуации неопределенности опосредствуется потребностью субъекта анализировать свои мотивы, чувства и мотивы других людей. Ориентация на сохранение неопределенности отражает стремление испытуемого к познанию и пониманию себя и других в условиях сложной и трудно прогнозируемой ситуации. При этом в данной группе выбор рискованной альтернативы, т.е. принятие решения «здесь и теперь» связывается с низкой ответственностью за последствия своего решения.

Выводы:

1. Было идентифицировано две различные стратегии выбора в закрытых задачах: ориентация на разрешение ситуации неопределенности через поиск информации или незамедлительное принятие решения и стремление к сохранению ситуации неопределенности. Люди, реализующие первую стратегию, лучше осведомлены в материале, на котором принимаются решения,

склонны к лидерству и не готовы до конца принимать на себя ответственность за последствия своих решений.

2. При реализации первой стратегии в регулятивную систему в качестве интеллектуального компонента включается уровень развития практического интеллекта, а в качестве личностно-мотивационного компонента – стремление понять другого. При реализации стратегии сохранения ситуации неопределенности ведущую роль в системе регуляции играет мотивация самопознания и ответственности, при этом интеллектуальная регуляция осуществляется за счет компонентов, не связанных с практическими способностями субъекта.

Литература:

1. Корнилова Т.В. Методологические проблемы в психологии принятия решений // Психологический журнал, 2005. №1. С. 3-20.
2. Корнилова Т.В., Каменев И.И., Степаносова О.В. Мотивационная регуляция принятия решений // Вопросы психологии, 2001. № 6. С. 55-65
3. Чумакова М.А. Рациональность и готовность к риску как предпосылки творческого принятия решений // Труды СГУ. Выпуск 99. Гуманитарные науки. Психология и социология образования. Москва, 2006. С. 166-176
4. Стернберг Р.Дж., Форсайт Дж.Б., Хедланд Дж. и др. Практический интеллект. СПб.:Питер, 2002.
5. Корнилова Т.В. О типах интеллектуальных стратегий принятия решений // Вестник Московского университета. Серия 14. психология, 1985, №3 С. 11-24
6. Grigorenko E.L., Sternberg R.J. Analytical, creative, and practical intelligence as predictors of self-reported adaptive functioning: a case study in Russia // Intelligence, 2001. V.29. P.57-73.